

Пять лет назад его имя прогремело на весь мир. Получая золотую оскаровскую статуэтку за фильм «Старик и море», снятый в Канаде, режиссер Александр Петров уточнил, что он из России.

Его сминали со блазнительными приветствиями ведущие студии мира, а он вернулся в провинциальный Ярославль, где вырос, окончил художественное училище... Корпит теперь с единомышленниками над очередным шедевром по мотивам кружевного романа Ивана Шмелева «История любовная». На улице Шапова, подальше от столичной суеты, кипит с утра до ночи работа. Кипит — сильно сказано. Два с половиной года — 22 минуты готового материала. Я посчитала: больше 40 дней на минуту. Можно иначе: всего 40 дней — и краски стекаются на экране в непостижимые соцветия, замирают в воздушных портретах, чудных пейзажных мгновениях. Минута тотальных метаморфоз бесконечна.

Прошлым летом я была в его студии вместе с международной делегацией аниматоров. На фестивале «КРОК» желающие записывались на экскурсию «К Петрову...» — главной ярославской достопримечательности...

Сейчас, подъезжая к Ярославлю, всматриваюсь в мелькающие за окном вагона утопающие в зелени, траченные временем деревенки: где-то тут спряталось Пречистое — родина Шуры. Мимо проносятся Семилатово, Коромыслово, Полянка, Бабки — Берендеево царство какое-то.

Бродим с Шурой по Ярославлю, не туристически-злато��ованному, а «за фасадами». Рассматриваем чудом сохранившиеся старые дворики, закоулки, заросшие бурьяном монастырские палисады, где истекшее время законсервировалось в запахах поччерневшего сырого дерева и полыни. В Ярославле немерено галок и кошек. Вальжаны расположившиеся в каждом дворе кошки чувствуют себя истинными хозяевами города.

А.П.: Здесь у нас кошачий рай. А этот двухэтажный особнячок скособоченный, правда, похож на дом из нашего фильма? Таких старых двориков я целый альбом насыпал. Смотри-ка, дом Собинова, я и не знал... Хорошо, что мы с тобой прошли. На свой город смотришь другими глазами. Вообще старина у нас скоропостижно истребляется.

Выходи на главную площадь, к знаменитому Волковскому театру...

Правда, что для оскаровской церемонии смокинг тебе шили в пошивочном цехе театра?

Правда. Первый смокинг взяли напрокат, когда с «Коровой» поехали на «Оскар» («Корова» — режиссерский дебют Петрова по рассказу Платонова). Второй раз летели из Канады с «Русалкой». Пошли в специальный магазинчик, справляли к церемонии за 300 долларов смокинг из иголочки. Теперь для экономии решил обзавестись своим. Но посмотря на меня: я и смокинг — вещи несовместные.

Это правда, у Саши в ногти, в прожилки кожи, даже в бороду въелась краска. Когда выходил из павильона, лицо измазано почище, чем у вождя краснокожих. Ведь фильмы свои он рисует пальцами, помогая им кистью. Через пальцы изображение передается живой пульс. Таинство именуется «ожившей живописью». Пограничие ремесла и ворожбы. Мне по душе больше стеклянная живопись. Пишет свои фильмы Саша

на ярусах стекол, просвещенных особым способом снизу. Так, чтобы в кадре возникал воздух.

— Ты знаешь, что создатель первого театра — мой земляк Волков — сделал замечательный проект иконостаса барочного церкви Николы Надеина? Он ведь и резчиком превосходным был, и художником. Нам разрешили церковь снять, когда копили материал для фильма. Я тут все закули обещал. Вот и эти палисадники фотографировал.

Проходим мимо купеческих и дворянских домов XIX века. Пробираемся через дыру в заборе: из одного двора — в другой, в третий. Попадаем в заросшие травой солнечные кущи: ряски яблонями деревья усыпаны, золотые шары повсюду — те, что когда-то полонили наше Марьину Рощу. Рядом двор бывшего мужского монастыря.

— Саша, Пречистое для тебя больше чем место рождения? До недавнего времени там и бабушка твоя Анна Петровна жила, которой сейчас больше 100 лет.

— Название деревни не от чистоты дорог. В честь иконы Пречистой Богоматери. Дом наш недавно спалили. Бабушка

Фото автора

Прогулка с «оскароносцем»
Александром Петровым
по его родному
Ярославлю

Художник-передвижник
сегодня?
Ну конечно, аниматор!

**Он оставил
отпечатки пальцев
в искусстве**

ка теперь в Ярославле. Но все равно там моя малая родина. Когда перебрался в город, в школу, все свободное время в деревне проводил...

— В твоих фильмах есть
фрагменты малой родины?

— «Корова» вся оттуда. Железная дорога в фильме — она рядом с Пречистым проходит. С дорогой меня связывает что-то загадочное. Веришь ли, во сне постоянно куда-то еду.

— От «Коровы» — истории мальчика, испытавшего трагедию (смерть родного существа), — ощущение глубоко личного, даже автобиографичного.

— За исключением каркаса платоновского сюжета, все, что в этом кино есть, напитано детством: жестами, знанием, как свет лежит, как тропинка шла. Реконструировал живое пространство фильма вслепую, пользовался спящей памятью. Там нет с натуры списанного места действия, но дом, двор, полустанки — словно пропечатались на невидимой промокашке, потом проникли с красками на стекла. И береза поваленная, с которой мальчик смотрит в поле, — я сам по ней лазил.

— У тебя целый музей на град, а первая была в пятом классе, ты получил фотоаппарат за рисунок. Помнишь его?

— Еще бы. Нарисовал глящий Берлин, летящие самолеты, солдата с ребенком на руках. В общем, собрал тучу актуальных тогда штампов.

— Зато полученный в награду фотоаппарат решил твою судьбу. С тех самых пор ты не только рисовал, но смотрел в глазок камеры.

— Сразу поехал в деревню хвастаться, насыпал гору снимков. По сей день собираю фактуру для кино с фотоаппаратом. Ярославль исходил в поисках... московского Замоскворечья. Ничего с настурами не писал. Фантазировал по фотографиям.

Живут Петровы — Шура и Наташа — неподалеку, рядом со старым Бутусовским парком. Раньше место звалось Бутусовский поселок, здесь в начале 30-х отстроили первые дома с водопроводом. Пока Шура священно-действует с красками, Наташа разбирает завалы проблем: от выстраивания взаимоотношений с властями, продюсерами, поисками денег на ремонт студии и оборудования до закупки продук-

тов для «киногруппы». В группе человек 12. Среди них есть и опытные мастера. Но в основном — выпускники Художественного училища.

— У меня была мечта: собрать студию — человек 50. Привлекли из Москвы хороших аниматоров, режиссеров. Мастера будут читать лекции. Вырастут у нас 5—10 гениальных творцов. Ничего из маниловских мечтаний не вышло. Но фильм сам пристрастает людьми. Сроки уносятся безжалостно — нужны руки. Провел я в художественном училище мастер-класс, человек 50 пришли. Работать осталась одна девочка. Потом привела подружку. Та — своего приятеля... В общем, все, как в фильме про льва Бонифация, на выступление которого постепенно собирались дети. Есть у нас профессионалы — например, Дима Иванов, Миша Тумеля. Сергей Решетников — мой постоянный оператор. Классные мастера, друзья настороже. Так что шмелевский проект для меня счастливый. Со мной мои соавторы, еще и ученики появились.

Молодым тут легко и трудно. Планка высока, не дотянутуться. Они стараются. Фильм неспешно, но разрастается под их руками. В Канаде было сложнее. Петрову помогал лишь Дима, семнадцатилетний в то время сын. В четвере руки они сыграли историю, сочиненную Хемингуэем. И канадские продюсеры так и не смогли отличить: которые из изобразительных пассажей сотворили пальцы сына, которые — знаменитого папы.

Двигаемся на улицу Шапова. Там у Петрова студия.

«Оскар», можно сказать, прошагнул руку через океан. Благодаря ему в Ярославле Петрова заметили. Губернатор и мэрия выделили помещение бывшего маленькой киностудии «Чайка». От дома пешком минут 15 по улице Свердлова. Пропускаем гремящий трамвай.

— Тут японцы приезжали, раздольным трамваем восхищались, языкоми цокали. Поставили меня перед рабиретом, попросили задумчиво смотреть на деревья. Вот, мол, загадочная русская душа на фоне загадочного транспорта.

— Почему предпочитаешь жить в провинции?

— Мой размер. Не жмет и громадой не давит. Устаю от чрезмерности пространств и эмоций. Хотя, честно тебе скажу: Ярославля-то не вижу. Сижу, как бирюк, в мастерской. Но при отсутствии русской речи устаю, неважно

«Старик и море»

20 сентября
открывается анимационный
фестиваль «Крок»

себя чувствую. И потом — это город детства, молодости, тут родня, друзья.

— Но ведь ты пловец-одиночка на длинные дистанции.

— Наверное, да. Но важно знать, что ты не один. Стоит переступить пару улиц, найдешь хорошее место, друзей. В основном — художники. Хотя сам и не член СХ.

— Зато ты ярославская достопримечательность. Сама записывалась к тебе на экскурсию.

— Это популярность публичная.

— Не обидно, что пришла она благодаря золотому истукану, а не самим работам... Кстати, на мой взгляд, «Старик и море» — вовсе не лучшая картина в твоей фильмографии. Я, к примеру, особенно почитаю «Корову». И живопись восхищает, и... плакать хочется.

— Не знаю, что лучше... Люблю «Русалку». Когда пересматриваю ее, удивляюсь: «Смотри, как придумал... А вот тут не получилось». Хотя в целом фильм чуть недотянутый, зарезанный по метражу...

дом младенец. Он — в грузинском одеянии, мужественный воин. Происходящее в фильме — туманная взесь реальности и снов, мечтаний юного гимназиста Тонечки. Шестнадцатая весна особенная — не до экзаменов. Подснежники из стакана на подоконнике рвутся во двор: где там печалится шарманка? Весна преображает девушку на соседней веранде в истинную Богиню! От избытка чувств — расцеловать занозистый забор, и страшиться первого поцелуя, и дрожащей рукой мять письмо с восторженными стихами, и впервые столкнуться со смертью...

Шура показывает, как строит кадр. Живописные картины располагаются стеклянными слоями внутри уникального станка, привезенного из Канады. Стекла движутся разнонаправленно — и над колышущейся травой скользят облака. Оно в самом деле оживает, согревается под руками, это холодное с виду стекло.

До Шмелева были Платонов, Достоевский, русские легенды.

болезненные странности, но не покидало ощущение сопричастности к бесконечно мирному, любовному погружению в человеческое сообщество. Я любил тех людей, они тоже меня любили. Отчего-то у них были греческие имена. В меня вливалась непонятная радость, бодрость. Но пока решился снять фильм, прошло лет пять.

— Есть ли особая тайна в переводе слова на язык пластики?

— Трудно переводить литературную метафору в пластическую. Не скажу, что знаю рецепт. Но когда нащупывалось решение, был счастлив. Кажется, я нашел один образ, который Достоевский не посчитал нужным описывать: «Дело в том, что я развратил их всех! Как это могло совериться, не знаю». Мучительно искал: как именно он разрушил мир гармонии? И решение пришло. Герой налевает маску с улыбкой. Целует девушку, та просыпается, и по лицу ее пробегают несколько состояний, пока не понимает: «Ага, что-то интересное...». Выхватывает маску и убегает. Маска начинает разрушительную работу. Метафора незамысловатая, но образ двуличия стал зримым. Я ведь не хожу по улицам, что-то выдумывая. Рисую штришки, царапины складываются в образ — ключ к действию.

— Думаешь с карандашом в руке...

— Иногда рука думает быстрее. Нарисовалось в карандашных пробах «Сна...»: герой в финале держит в руках свой же гипсовый бюст. Гипсовая фигурка подносит палец к виску: «Нух!» (напоминая, что в начале фильма герой стрелялся) — и начинает осыпаться. Песок сыплется сквозь пальцы, превращаясь в огромное цунами, движущееся на маленьющую девочку. Она строит «цивилизацию» на берегу моря: Колизей, Муранский собор... Код живописных метафор шифрует многоэтажные мысли об ответственности человека за самоубийство, влекущее разрушение себя и мировой гармонии.

— Можно ли роман Шмелева втиснуть в 26 минут экранного времени?

— Анимация — емкое искусство, можно не растягивать идею двумя-тремя монтажными стыками. Но приходится отсекать по живому важные линии, подробности. Я сам себе установил жесткие рамки хронометража.

Мне кажется, что фильм не пересказывает Шмелева, скорее это живописное впечатление от него. Хотя Шура со мной не согласен. Говорит, что в перенесении текста на экран хотел бы остаться доношным передвижником. Он и по живописному стилю работает как передвижник. Для персонажей подыскивает модели. В «Старике и море» рисовал своего тестя, в экранизации Достоевского — оператора Решетникова. Для двух героинь «Истории любовной» прототипами стали жена сына и Татьяна Друбич. Петров — передвижник и по образу жизни: Москва, Монреаль, Свердловск, Ереван, Ярославль. Впрочем, встретить его где бы то ни было трудно — рабочий день по 12 часов. На местную знаменитость особого внимания не обращают. Ни толпы журналистов, ни очередей поклонников за автографами, ни сидящих телекамер. В Бутырском поселке тишину прерывает лишь гомон галок. За тишиной он сюда и вернулся.

«Корова»

«Сон смешного человека»

— После «Оскара» «жить стало лучше, стало веселее»?

— Да мне и не надо особого внимания, неловко даже. Веришь ли — боялся: дадут мастерскую, отремонтируют да и внесут в туристический маршрут. Каждый день будут водить экскурсии. Слава богу, этого не случилось. Если и бывают группы, то по нашему обиходному желанию. Детские дома, аниматоры. Тут не откажешься, пропремел — надо жертвовать временем.

Александр Петров жертвует. Помогает ярославской детской анимастудии «Перспектива», проводит мастер-классы.

В студии смотрим материал фильма. Те самые драгоценные 22 минуты, сложенные на черно в компьютере. С карусели в небо улетают одна за другой красавицы. Тургеневские девушки, амазонки... Нет, не так... Она — в русском сарафане, ря-

— Всегда ищешь созвучия тому, что тебя мучает, будоражит. Но не скажу, что темы, притягивавшие в Достоевском 15 лет назад, не волнуют... Хотя сегодня бы не решился. Наглости бы не хватило. По молодости был самонадеян — море по колено. Хотя опыта до сих пор не набрался. Перечитывая «Историю любовную», думал: как песню спою — на одном дыхании. Не ожидал, что увязну на три года в категориях. А может, так и надо: выбирать произведение на вырост, посложнее, чтобы дотягиваться до него?

— Но почему именно эти вещи захотелось отлить в стекле?

— Когда читал «Сон смешного человека», резануло: я уже это видел. Меня самого посетил похожий сон о неземной гармонии. Были там какие-то

● **Лариса МАЛЮКОВА,**
обозреватель «Новой»
Ярославль